

Николай Фоменко и Андрей Панин — маски-шоу на двоих.
Фото Михаила Гутермана

ЯПОНЧИКИ

Сороковые-роковые в спектакле
Романа Козака «Академия смеха»

Независимая газ. — 2007 — 17 окт. — С. 8

Антон Красовский

ТЕМНЫЙ квадратный залчик. Сто мест, приставные стулья из холла, толпа народу, шепот, смехи. Предвкушение веселья. Все ждут Фоменко, вспоминают его русскоарийские шуточки, его нос, его арлекнинские ужимки. Николай Владимирович, конечно, народный герой, и 98 человек из 100, да еще семеро на табуретках — тут ради него. Ведь дико-то какое: такой большой человек да в таком крохотном театре: все видно, никакого бинокля не нужно — красота.

Вот резко включается свет, и он уже на сцене. Подтянутый, с самурайской спиной, в шелковом жакетике с отливом. Выпученная губа, упертый в стену взгляд — неприятный человек, сразу видно. Рядом с ним — у стены — другой: в движениях растерянность и зуд, на голове хоолок от создателей «Вавилона-5», во взгляде страх и маята.

Он — другой — Андрей Панин, в общем, не всемирно известный артист. Но зато КАКОЙ! Андрей Панин — наш отечественный Малкович, такой же булькающий гений с разбегающимся взором и холодающей статью. Проникновенный и вымученный, как тоска по дому, как мудрое одиночество. Его руки выбрасываются в пространство, словно хитиновые колыцца богомола. Шеки напряжены всей своей тшедушной мускулатурой. Глаза елозят по партнеру, будто бы тот не актер театра и кино, а груди восьмого размера или открытая витрина Фаберже.

Здесь в «Академии смеха» он играет японского драматурга Цубаки, пришедшего к цензору просить разрешение на постановку дурацкой комедии. На дворе 1940 год: тройственный союз, милитаристская Япония, сонки Манчжурии, зараженные баццллами жуки-скарабей. А тут — на тебе — «Трагедия о Джулио и Ромьетте», италийское варьете, клизмы в зад — бред какой-то. Цензор Сакисака (Фоменко, естественно) ничего в театре не смыслит, поскольку еще пару месяцев назад командовал каким-то полотделом на фронте, и вдруг, за заслуги перед Империей, очутился на более ответственном участке. Сюжет нашему зрителю очень понятный. Пожалуй, слишком понятный. Возможно, даже чересчур. Наверное, поэтому некоторые газеты сообщили, что пьеса была написана полвека назад, когда и у нас злобствовал Главлит, а литераторы бегали с утра в Китайгородский проезд за визой. Ан нет! Текст современный (90-х годов), да и в России уже ставившийся. В Омском драматическом, в 1998-м, что ли, году.

Автору пьесы — господину Коки Митани — не больше сорока. Это улыбчивый забавный японец, зарабатывающий сценариями для сериалов и радиопостановок. Собственно, для FM-диапазона и была первоначально написана «Академия смеха». Друзья похвалили, потом поставили на сцене. Перевели на несколько языков, заместили в России. Впрочем, где же еще могли заметить, ведь тут эта тема так близка — ничего не надо объяснять. Говорят, что года два назад за этот текст ухватился Александр Алексадрович Калаягин, но получил

отказ, поскольку в Омске был заключен эксклюзивный договор. Так вот: Калаягин просто поторопился, а Роман Козак успел в самый раз. Успел и преуспел — спектакль вышел отменный. Очень, очень хороший. Лучший в этом сезоне.

Драматическое действие превращено в па-де-де: Фоменко с Паниным не играют, а вытанцовывают роли. Выкручивая сухожилия, перелетая с одной стороны света на другую, выдумывая что-то на ходу, они рождют новую реальность. Театром в театре — этой чертовщиной-пиранделловщиной — связывают друг друга в одном клубочке чувств и ожиданий, смонений и иллюзий, ставшая иным существом — подлинником человека. Надеждой человечества.

Нет, цензор не превращается в бродячего музыканта, а драматург не подается в секеты. Но к концу совместных блений они начинают говорить на одном языке — японском ли, русском — какая разница. Нервический Цубаки, уходя в финале на фронт (уж не Перл-Харбор ли бомбить?), отдаст Сакисаки прожащую частичку самого себя. Такую же трагатеяную, как улетевшая ворона или мамияна похлебка из морской кастрюли. Эта частичка, этот кровотокающий кусок кто-то называет памятью, кто-то — душой. Кому-то, более выуклому, больше нравится слово «катарсис». То есть трагическое очищение. Так тоже можно сказать, наверное. Только откуда же трагедия в комедии? Нет ее, и не было никогда. Ну, разве что самая малость, чуть-чуть. Едва заметная. Слово рисовый колобок с чернопсливом на заснеженной вершине Фудзи.